

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Горбань В.С., Груздев Г.В., Груздев Л.В. Междисциплинарность в современных исследованиях политики-правовых феноменов и доктрин // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76343 EDN: NJRCYA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76343

Междисциплинарность в современных исследованиях политики-правовых феноменов и доктрин

Горбань Владимир Сергеевич

ORCID: 0000-0002-8054-2605

доктор юридических наук

заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель Центра философско-правовых исследований; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ gorbanv@gmail.com

Груздев Григорий Владимирович

ORCID: 0009-0009-8342-7790

аспирант; Сектор философии права, истории и теории государства и права; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

✉ grgrishaigp@yandex.ru

Груздев Леонид Владимирович

ORCID: 0009-0000-4378-5053

аспирант; Сектор философии права, истории и теории государства и права; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

✉ gruleon@yandex.ru

[Статья из рубрики "История политических и правовых учений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76343

EDN:

NJRCYA

Дата направления статьи в редакцию:

15-10-2025

Дата публикации:

22-10-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает методологический потенциал междисциплинарных подходов в современной истории политических и правовых учений. Анализируется познавательная ценность интеграции историко-правовой науки с концепциями и методами из смежных областей: философии науки (В.И. Вернадский, В.С. Степин), глобальной историографии (Г. Иггерс), критической философии истории (К. Поппер), а также подходов в рамках самой юридической науки (В.Г. Графский, В.С. Нерсесянц, Л.С. Мамут, С.В. Кодан, Е.А. Фролова и др.). Центральным является вопрос о том, как заимствование теоретических конструктов и методологических принципов из других дисциплин позволяет преодолеть узкий отраслевой провинциализм, расширить предметное поле и сформулировать новые исследовательские вопросы в изучении эволюции политico-правовых идей и институтов. Ведущую роль играет сравнительно-исторический метод, применяемый для сопоставления различных методологических программ и выявления в них общих междисциплинарных тенденций. Историко-биографический метод используется для реконструкции взглядов отдельных ученых в контексте развития их научных подходов. Применяются методы теоретического моделирования и концептуального анализа, направленные на выявление базовых оппозиций в правопонимании. Научная новизна исследования заключается в системном синтезе и компаративном анализе разрозненных методологических предложений по обновлению истории политических и правовых учений. Впервые в рамках единого исследования осуществляется комплексное осмысление междисциплинарного потенциала ключевых методологических подходов. Концепция ноосферы В.И. Вернадского рассматривается как основа для осмыслиения истории права как значимого элемента истории научного знания, а методология В.С. Степина применяется для анализа правовых феноменов в качестве теоретических схем. Система принципов В.Г. Графского, основанная на историзме и сравнительном анализе, противопоставляется как монометодологизму, так и западному правовому универсализму. Особую значимость приобретает применение типологии правопонимания В.С. Нерсесянца в качестве аналитического инструмента для выявления глубинных оснований различных правовых традиций, а методологическое предостережение Л.С. Мамута против "модерноцентризма" становится основой для адекватного анализа учений прошлого в их собственной органичности. Доказывается, что именно междисциплинарность открывает возможность для построения целостной, истории права, учитывающей вариативность правовой рациональности и культурное многообразие мира.

Ключевые слова:

история правовых учений, методология права, юридическая историография, правопонимание, теоретическое знание, всеобщая история права, историзм в праве, критика историизма, методологический плюрализм, логика смыслополагания

В современной юридической науке остро ощущается необходимость преодоления методологического кризиса через осмысление и внедрение междисциплинарных подходов. Традиционные методы исследования, зачастую ограниченные узкоотраслевыми рамками и описательностью, оказываются недостаточными для анализа

сложной, объективно меняющейся правовой реальности. Выход из этого кризиса лежит на пути интеграции историко-правовой науки с достижениями других областей знания — от философии науки и социологии до филологии и когнитивных исследований. Анализируя наследие отечественных и зарубежных ученых, можно утверждать, что именно междисциплинарность выступает не просто вспомогательным инструментом, а системообразующим фактором, способным кардинально обновить предметный профиль, проблематику и методологический аппарат юридической историографии, превратив ее в актуальную дисциплину, отвечающую на вызовы XXI века.

В.И. Вернадский писал: «Научная мысль как проявление живого вещества по существу не может быть обратимым явлением — она может останавливаться в своем движении, но, раз создавшись и проявившись в эволюции биосферы, она несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени» [\[1, с. 25\]](#).

«История научной мысли, научного знания, его исторического хода проявляется с новой стороны, которая до сих пор не была достаточно осознана. ... Мы только с большими пробелами начинаем выявлять по культурным остаткам, устанавливать неожиданные для нас, прочно забытые научные факты, человечеством пережитые, пытаться охватить их новыми эмпирическими обобщениями» [\[1, с. 26\]](#).

Видение В.И. Вернадским научной мысли как планетного явления кардинально меняет наши представления о знании. Он утверждает, что научная мысль, будучи проявлением живого вещества, по своей сути необратима и, раз возникнув в эволюции биосферы, несет в себе заряд бесконечного развития. Этот процесс является не случайным, а глубоко закономерным природным явлением, новой геологической силой, созревшей в недрах биосферы. Именно этот масштабный взгляд закладывает принципиально новую основу также для разработки предметного профиля, проблематики и методологии в современной юридической историографии, придавая ей уникальный междисциплинарный импульс.

С этой позиции история права и государства перестает быть лишь историей институтов и норм. Она предстает как часть грандиозной истории становления в биосфере сознательно направляемой силы., служащей в итоге созданию равных и справедливых условий взаимоотношений людей и их коллективов. В.И. Вернадский настаивал, что такой подход еще не осознан в полной мере, и призывает выйти за узкие хронологические рамки, погружаясь в глубины десятков тысяч лет, к истокам зарождения организованных социальных систем. Этот призыв напрямую обращен и к юристам-историкам: изучать правовые феномены не изолированно, а как процессы, тесно связанные с комплексом жизненных факторов и условий, обеспечивающих устойчивое развитие человечества.

Такой синтез позволяет по-новому изучать отдельные политические и правовые феномены — будь то суверенитет, справедливость, собственность или международные договоры — видя в них закономерные элементы единого процесса развития права, проявляющегося в мировой истории и разнообразии традиций смыслополагания. Когда право понимается как проявление организованности биосферы, его история предстает как мегаисторический тренд, требующий диалога с науками о Земле и жизни. Таким образом, наследие В.И. Вернадского дает современной юридической историографии мощный инструмент для преодоления узкой специализации, открывая путь к целостному осмыслинию того, как правовая материя сознательно направляет развитие человечества в ноосфере по пути преодоления произвола к утверждению равенства, свободы и справедливости.

Если В.И. Вернадский задает масштаб и онтологический статус научной мысли как природной силы, то В.С. Степин предлагает инструмент для анализа ее внутренней структуры и культурно-исторической динамики. Его концепция теоретических схем позволяет операционализировать идею В.И. Вернадского о «неограниченном развитии» научной мысли.

Академик В.С. Степин рассматривает современное научное знание как сложный, исторически сложившийся организм, неотделимый от культуры и цивилизации [15]. Его подход, раскрывающий науку как динамичную систему, способную опережать практику, открывает плодотворные пути для глубокого обновления предметного профиля, проблематики и методологии современной юридической историографии. Рассматривая право и политику не как набор статичных доктрин, а как сложные, исторически развивающиеся системы, мы можем выстроить на основе идей В.С. Степина новый междисциплинарный каркас для их изучения.

Историографический анализ В.С. Степина, показывающий поэтапное становление научного знания от «преднауки» к дисциплинарной организации, позволяет иначе взглянуть на эволюцию правовой мысли. Этот ракурс задает новое направление для разработки предметного профиля юридической историографии, смещающая фокус с анализа лишь текстов законов на изучение правовых систем как продукта и рефлексии конкретной исторической эпохи. Становление юридической науки как самостоятельной дисциплины предстает в этом свете не как случайный процесс, а как следствие глубоких культурных сдвигов — секуляризации сознания, формирования идеалов рациональности и потребности в рациональной регуляции социальных отношений в определенную эпоху.

Ключевое значение здесь приобретает степинская концепция междисциплинарности как системообразующего фактора. Правовые и политические феномены по своей природе комплексны, и их адекватное изучение требует синтеза. Междисциплинарная компонента оснований науки, о которой говорит В.С. Степин, — общенаучная картина мира и инвариантные идеалы научности, — может служить моделью для интеграции в юридическую историографию методов и понятийного аппарата из социологии, экономики, антропологии, филологии, истории литературы и когнитивных наук. Именно такие «парадигмальные прививки», которые В.С. Степин выделяет в отдельный тип научных революций, позволяют по-новому сформулировать проблематику исследования. Заемствование, например, концептов из теории сложных систем или сетевого анализа позволяет перейти от простого описания институтов к анализу нелинейной динамики политico-правовых процессов, механизмов их самоорганизации и точек бифуркации.

Более того, методологический инструментарий В.С. Степина, в частности, идея «теоретических схем» и их «конструктивного обоснования», предоставляет мощный аппарат для работы с конкретными политico-правовыми феноменами. Правовая доктрина, юридическая конструкция или политическая идеология могут быть проанализированы как теоретическая схема — система взаимосвязанных идеализированных объектов (таких как «общественный договор», «суверенитет», «правовая норма»). Историк права может проследить, как такие схемы конструируются, переносятся из других областей знания — например, из теологии или механики — и как они проходят процедуру конструктивного обоснования, соотносясь с социальной практикой и тем самым обретая новое содержание. Этот метод позволяет вскрыть скрытые парадоксы и внутреннюю логику развития правовых концепций.

Наконец, переход к постнеклассическому типу рациональности, который эксплицитно

учитывает ценностно-целевые структуры, напрямую сближает методологию историко-правовых и социально-гуманитарных исследований. Изучение любого правового феномена сегодня невозможно без рефлексии над его ценностными основаниями и социальными последствиями. Это делает необходимым проведение своего рода «социальной экспертизы» для историко-правовых исследовательских программ, выявляя, как ценностные ориентации эпохи влияли на формирование правовых институтов и как эти институты, в свою очередь, формировали социальные отношения. Таким образом, подход В.С. Степина не только обеспечивает юридическую историографию современной методологией, но и встраивает ее в широкий контекст междисциплинарного диалога. В конечном счете это позволяет юридической науке активно участвовать в поиске ответов на вызовы современной сложной, саморазвивающейся социальной реальности, становясь полноправным участником формирования новых мировоззренческих ориентиров.

В.С. Степин показывает, как наука развивается через смену парадигм и междисциплинарные «прививки». Г. Иggerса, Э. Ван и С. Мукерджи применяют аналогичный компаративный подход к самой историографии, демонстрируя, что доминирующая (западная) парадигма — не единственно возможная, и призывают к диалогу различных историко-культурных традиций.

В исследовании Г. Иggerса, Э. Ван и С. Мукерджи центральным является понимание современной историографии как глобального феномена, сформировавшегося в процессе сложного диалога и столкновения западных и незападных традиций [9]. Авторы подчеркивают, что ключевой особенностью развития исторического знания в XIX-XX веках стало доминирующее влияние западного стиля исторического мышления, которое большинство незападных историографов, часто имплицитно, признают в качестве ведущего. Именно этот компаративный анализ, выявляющий специфику национальных историографий через призму глобального влияния, закладывает методологическую основу для переосмысливания предметного профиля и проблематики современной юридической историографии.

Специфика их методологии, заключающаяся в отказе от изолированного рассмотрения профессиональной науки в пользу изучения историописания в контексте широкой исторической культуры, имеет прямое применение к праву. На этой основе может развиваться междисциплинарность в современной юридической историографии, для которой изучение отдельных политических и правовых феноменов — будь то концепция суверенитета или эволюция правовых кодексов — уже не может ограничиваться лишь текстами законов. Такой подход требует рассматривать право как элемент коллективной памяти, укорененный в художественной литературе, памятниках, ритуалах и иных формах культурного выражения, что расширяет саму методологию историко-правовых исследований.

На этой основе авторы, привлекая мнения и позиции историков из разных регионов, выстраивают карту ключевых различий, идентифицируя устойчивый комплекс черт, характерных для многих незападных традиций: нормативность, преобладание исторических биографий, династийная матрица, циклическое или регressiveное восприятие времени. Этот компаративный инструментарий позволяет и историку права проводить более тонкий анализ. Например, изучая правовые системы Востока, можно выявить, как отсутствие телеологизма и веры в линейный прогресс, отмеченное Г. Иggerсом и его соавторами на примере китайской историографии Т. Ли, формировало особые, не похожие на западные, модели легитимации власти и интерпретации права,

где право понималось не как путь к финальной цели, а как механизм поддержания сложного социального равновесия.

Таким образом, подход, предложенный Г. Иггерсом, Э. Ван и С. Мукерджи, дает современной юридической историографии мощный ориентир для глобального и междисциплинарного обновления. Он позволяет перейти от простого сравнения правовых норм к глубокому изучению правовых культур в их целостности, рассматривая историю права как неотъемлемую часть истории ментальностей и культурных практик, что открывает новые перспективы для понимания политических и правовых феноменов в их подлинном, глобальном масштабе.

«Основной недостаток существующих историй историографии состоит в том, что они воспринимали историческую науку слишком серьезно, в большей или меньшей степени принимая ее внешние формы за чистую монету и не осознавая полностью степень укорененности западной и не западной науки в более широкой по своему характеру исторической культуре» [\[9, с. 24\]](#).

«С одной стороны, мы осознаем, - пишут Г. Иггерса, Э. Ван и С. Мукерджи, - пределы не только исторической науки, но - более широко - историописания как основы для создания компаративной, межкультурной истории исторической мысли. С другой стороны, мы будем опираться в первую очередь на исторические тексты. И этому есть практическое объяснение. Историческое сознание выражает себя во множестве форм не только в науке, но и в художественной литературе, скульптуре, памятниках и архитектуре, в праздниках, песнях, в различных нематериальных и невербальных способах выражения коллективной памяти... <...> Признание взаимосвязи историописания с другими аспектами жизни общества является ее неотъемлемой частью» [\[9, с. 25\]](#).

Идея о плюрализме историографических традиций находит методологическое подкрепление и предостережение в критике К. Поппера. Он предупреждает об опасности «историзма» — абсолютизации любой одной схемы исторического развития, что напрямую связано с критикой западного историографического универсализма.

Проблема освоения междисциплинарных подходов в исследовании политico-правовых явлений и учений должна учитывать не только позитивные методологические программы, но и фундаментальную критику, подобную той, что была высказана К. Поппером в его работе «Нищета историзма». Ученый писал: «...историзм видит главную задачу социальных наук в историческом предсказании. Задача эта решается, когда в основе исторической эволюции усматривают «ритмы», «схемы», «законы» или «тенденции». Убежден, что именно историцистские концепции ответственны за неудовлетворительное состояние теоретических социальных наук (кроме экономической теории)» [\[14, с. 10\]](#).

Осмысление К. Поппером опасностей, связанных с подменой проверяемых научных теорий неопровергими «историческими истолкованиями», имеет непосредственное значение для юридической историографии. Его мысль о том, что историцизм ошибочно принимает за теорию то, что является лишь избирательным углом зрения — будь то классовая борьба, расовое господство или столкновение типов обществ — служит серьёзным предостережением и для правоведов, склонных возводить в абсолют какую-либо одну схему историко-правового процесса [\[14, с. 173-174\]](#).

На этой критической основе может выстраиваться более осмысленная проработка предметного поля и круга вопросов современной юридической историографии.

Методологическое требование К. Поппера — сознательно выбирать угол зрения, чётко его формулировать и при этом помнить о его ограниченности и сосуществовании с другими истолкованиями — даёт мощное средство для обоснования междисциплинарности. Вместо поиска единого «закона» развития права этот подход позволяет открыто и планомерно применять к изучению отдельных политических и правовых явлений — будь то понятие права, справедливости, равенства или формы правления — различные ракурсы, не выдавая ни один из них за окончательную истину.

Таким образом, критика историцизма К. Поппером задаёт для современной юридической историографии строгие пределы познания. Она помогает перейти от безоговорочного следования одному-единственному методу к многообразной и самокритичной исследовательской работе. Понимание того, что любая теория права или государства является не непрекаемым положением, а проверяемым предположением или, в случае крупных построений, — сознательно избранным и ограниченным истолкованием, открывает новые пути для взаимодействия с другими общественными науками. Это позволяет изучать историю права не как последовательное раскрытие некоего начала, а как сложную область переплетения множества сил, требующую взаимодополняющих, а не противоборствующих способов изучения [\[14, с. 173-174\]](#).

Критика К. Поппером догматизма и призыв к осознанному выбору и ограниченности любой исследовательской позиции перекликается с программой В.Г. Графского, который конкретизирует такого рода призыв, предлагая конкретные методы (сравнительно-исторический, ретроспективный) для преодоления упрощенчества и этноцентризма в истории идей.

Согласно взглядам профессора В.Г. Графского, изучение истории политических и правовых учений опирается на целый комплекс взаимосвязанных методов и подходов [\[4, 5, 6\]](#). Наиболее общими и употребительными из них являются историко-биографический, или «портретный» метод, который позволяет рассмотреть мыслителя в развитии его взглядов, а также предметный подход, изучающий учение как целостную систему или же её отдельные части.

При этом В.Г. Графский предостерегает от широко распространенного непродуктивного упрощенчества, суть которого — в стремлении свести всё богатство мировой мысли к одной-единственной, считающейся универсальной, схеме. Ярким, но далеко не единственным примером такого подхода был советский монометодологизм, сводивший всё многообразие политических и правовых идей к догматическим схемам диалектического материализма и узкому классовому подходу, что обедняло и исказжало реальную картину историко-правового процесса.

Однако эта методологическая однобокость не ограничивается одним лишь советским опытом. Подобная ограниченность проявляется и в разнообразных направлениях западной юридической литературы, где господствует уверенность, что путь развития права, пройденный Западной Европой, является единствено верным и универсальным образцом. Такой взгляд, по сути, отрицает самостоятельную ценность и внутреннюю логику других мощных правовых традиций — китайской, индийской, исламской, африканской, русской — и закрывает глаза на необходимость расширения горизонта понимания правового разнообразия мира.

В противовес всем этим формам упрощенчества, подлинное понимание, по В.Г. Графскому, призваны дать методы, учитывающие сложность и динамику идей. К ним относится сравнительно-исторический метод, выявляющий сходства и различия

концепций в разные эпохи и в различных культурных пространствах. Если сведения отрывочны, на помощь приходит метод реконструкции, восстанавливающий недостающие элементы учения. Важную роль играет и ретроспективный взгляд, прослеживающий всю судьбу идеи — от её зарождения через череду последующих толкований вплоть до современного осмысления. Особое внимание уделяется так называемым сквозным темам, вечным проблемам, таким как соотношение закона и справедливости, сущность государства и права, которые проходят красной нитью через всю историю мысли.

Специфика этой области знания напрямую связана с её глубокой междисциплинарностью. Для всестороннего анализа она органично сочетает в себе приёмы философского, социологического и политологического анализа, что позволяет изучать идеи и как логические конструкции, и как отражение определённых общественных структур иластных отношений. Историко-теоретический подход помогает увязать учения с конкретной эпохой их возникновения, а юридико-теоретический — вычленить их концептуальное ядро.

С историографической точки зрения, В.Г. Графский настаивает на универсальном, или всеобщем, характере дисциплины. Это означает отказ от любой формы концептуального этноцентризма и включение в поле изучения политico-правовой мысли всех крупных цивилизаций, включая уже исчезнувшие. Такой подход позволяет обнаруживать как общие параллели в развитии идей в разных концах света, так и их уникальные истоки, рисуя подлинно всеобщую картину истории права и государства.

Таким образом, методология, предлагаемая В.Г. Графским, представляет собой целостную систему, основанную на принципах историзма, сравнительного анализа и критического осмысления широкого спектра источников. Она выступает против любых догм — как советского классового подхода, так и западного правового универсализма, — отстаивая идею многообразия и равноправного диалога правовых культур в контексте всемирной истории идей.

В.Г. Графский рассматривает историю политических учений как мощный инструмент идейно-теоретической подготовки научной и учащейся молодежи. Он видит в этой дисциплине не просто академический предмет, а важнейшую форму «культурной памяти», хранимой и передаваемой исследователями. Эта память охватывает политические идеи и теории прошлого в их развитии и связи с современностью, что позволяет сформировать навыки самостоятельного мышления о праве и политике, умение ориентироваться в бурном потоке информации и способствует воспитанию идейной убежденности [\[6, с. 62\]](#).

С точки зрения В.Г. Графского, преподаватель-историк выступает в современном интеллектуальном общении и идейной борьбе как наследник и пропагандист гуманистических и демократических традиций. При этом он должен четко осознавать, что классическое наследие всегда было ареной острых столкновений, и с каждым крупным сдвигом в обществе ключевые идеи прошлого подвергаются новым, подчас тенденциозным толкованиям. Чтобы избежать крайностей схематизма или эклектики, историк обязан понимать диалектическую связь между подлинным вкладом мыслителя и его последующими интерпретациями, которые могут быть как глубокими, так и политически пристрастными.

Особую критику В.Г. Графского вызывают позитивистские и технократические подходы в науке, которые, фетишизируя технический прогресс, дают искаженную, механистическую трактовку исторической эволюции и борьбе идей и пренебрегают человеческой

личностью. Противопоставляя этому, он видит в истории учений не только школу теоретического мышления, но и собрание примеров гражданской доблести и борьбы за идеалы гуманизма, что делает её важным каналом приобщения к культурному наследию человечества.

В.Г. Графский настаивает на преодолении «узкодисциплинарного провинциализма», в котором пребывала эта наука. Он призывает к усилению междисциплинарных связей, особенно между историей идей и историей учреждений, а также к большей координации между юристами разных специальностей. В современных условиях, включая растущий культурный обмен в условиях формирующегося многополярного мира, такой синтез становится особенно актуальным.

Отдельное внимание учёный уделяет использованию художественной литературы. Он считает, что художественный образ часто восполняет пробелы в политических знаниях и даёт яркое, образное объяснение тем же вопросам, что и научная дисциплина. В.Г. Графский напоминает, что сами классики политической мысли были мастерами образного мышления, а сатирические образы, подобные щедринским, становились мощным оружием в политической полемике. Таким образом, гармоничное сочетание научного познания с художественно-образным представляется ему могущественным средством идейного воспитания и убеждения.

Если В.Г. Графский делает акцент на методологическом плюрализме и междисциплинарности для построения целостной картины, то В.Е. Гулиев настаивает на необходимости единого теоретико-идеологического стержня, связывающего историю учений с идеологическим содержанием.

Анализируя состояние науки истории политической и правовой мысли своего времени, профессор В.Е. Гулиев формулирует целостный подход к ее изучению. Он исходит из критической оценки существующего положения дел, отмечая, что исследования в этой области носят зачастую разрозненный и описательный характер, оторваны от потребностей идеологической борьбы и не связаны прочным теоретическим ядром. Преодоление этих недостатков видится ему в создании целостной науки, объединяющей три неразрывных компонента: историю учений, анализ современных теорий и общую методологическую основу [\[8, с. 3\]](#).

Специфика предмета этой науки, по В.Е. Гулиеву, заключается в изучении политических и правовых учений в их динамике — возникновении, взаимодействии, развитии и практическом влиянии на жизнь общества. Такой подход придает дисциплине двойной характер: она является одновременно и общетеоретической, и конкретно-исторической, что требует применения как логико-теоретических, так и историко-описательных методов. Центральными проблемами, требующими осмысления, становятся взаимосвязь истории и современности, взаимодействие теории и практики, а также диалектика преемственности и резких поворотов в развитии мысли.

С историографической точки зрения В.Е. Гулиев констатирует, что история учений пребывает в состоянии кризиса, будучи сведенной преимущественно к учебной дисциплине и лишенной глубинного теоретического фундамента. Междисциплинарность же его подхода проявляется в четком определении места науки об учениях среди других областей знания. От философии и социологии её отличает взгляд на политическую мысль как на самостоятельное, специфическое явление, а не просто частный элемент общего анализа. От общей истории и истории государства и права — специализированный характер познания и принципиальная нацеленность на соединение

исторического знания с анализом идеологической борьбы.

В основе предлагаемой методологии лежит материалистическое понимание, выраженное в ключевой идее В.Е. Гулиева: политico-правовые учения являются формами сознания, порожденными социальными отношениями своей эпохи и выражающими интересы определенных классов и социальных групп. Этот взгляд предполагает последовательное проведение принципов историзма, требующего изучения любой теории в контексте конкретных условий её появления, и партийности, подразумевающего анализ учений через призму той социальной борьбы, которую они отражают и в которой участвуют.

Стремление к системности и поиску фундаментальных оснований у В.Е. Гулиева находит свое крайнее выражение в строгой дихотомической типологии В.С. Нерсесянца. Если В.Е. Гулиев видит основу в социально-идеологическом анализе, то В.С. Нерсесянц — в типе правопонимания (различие или отождествление права и закона).

В.С. Нерсесянц предлагает фундаментальный подход к изучению истории правовой мысли, основанный на типологии правопонимания. Он утверждает, что все многообразие правовых учений, несмотря на внешние различия, в своей основе разделяется на два принципиально различных типа в зависимости от ответа на ключевой вопрос: тождественны ли право и закон или же это различные, хотя и взаимосвязанные, феномены? [12, 13]

Первый тип, который В.С. Нерсесянц предлагает называть «юридическим» (от *jus* — право), характеризуется различием права и закона. В рамках этого подхода право понимается как нечто первичное и независимое от официальных установлений — будь то «естественная справедливость», «разумный закон», «идея свободы» или «природа вещей». Закон же рассматривается как вторичный, искусственный продукт человеческой деятельности, который может либо верно, либо неверно отражать это объективное право. Этот тип правопонимания, к которому В.С. Нерсесянц относит большинство направлений западноевропейской мысли за исключением позитивизма, выполняет две важнейшие функции: оценочную, позволяя судить о законе как о правовом или неправовом (произвольном), и объяснительную, раскрывая объективную природу права и факторы, обуславливающие правовые свойства закона.

Второй тип, обозначаемый как «легистский» (от *lex* — закон) или позитивистский, напротив, отождествляет право с законом, то есть с официально установленными и действующими нормами. С точки зрения В.С. Нерсесянца, этот подход, представленный в трудах Остина, Кельзена и других, является теоретически ущербным. Он сводит правоведение к формально-логическому описанию и комментированию существующих норм, игнорируя их духовную и ценностную основу. Позитивизм, по его мнению, абсолютизирует один аспект права — его официальную принудительность, — но не способен объяснить его генезис, ценность и реальное функционирование в обществе. Он наивно полагает, что, назвав некий официальный акт «позитивным правом», мы тем самым наделяем его подлинной позитивностью, в то время как ее источник лежит в непозитивных, объективных основах.

Таким образом, В.С. Нерсесянц обосновывает, что конструкция различия права и закона является не просто абстрактной схемой, а отражает реальную сложность правовой действительности, в которой «позитивные» моменты (официальное признание) неразрывно связаны с «непозитивными» (объективная обусловленность, идея свободы, ценностное содержание). Именно этот, «юридический» тип правопонимания позволяет выстроить содержательную теорию, способную адекватно объяснить природу, роль и

назначение права в жизни общества, в то время как легистский подход заводит теорию в тупик описательства и формализма.

Жесткая бинарная схема В.С. Нерсесянца получает историческое измерение у Л.С. Мамута, который предостерегает от «модерноцентризма» — соблазна оценивать учения прошлого исключительно через призму современных категорий (как «юридических», так и «легистских»), призывая понимать каждую эпоху в ее собственной логике.

Л.С. Мамут предлагает глубокий анализ взаимосвязи истории и современности в развитии политической мысли. Он начинает с констатации того, что сама эта формула стала общепризнанной, однако зачастую используется поверхностно, без полного раскрытия её богатого методологического содержания [11].

Ключевой характеристикой его подхода является стремление выйти за рамки простого констатирования «сквозных» тем и идей, которые, подобно учению о естественных правах или разделении властей, проходят через всю историю мысли. Л.С. Мамут признаёт, что история политических учений действительно представляет собой непрекращающееся обсуждение фундаментальных проблем, что объясняет наличие повторов, рецепций и внешних аналогий. Однако он считает этот пласт связи истории и современности лишь поверхностным. Гораздо более глубокий уровень составляет анализ генетических зависимостей в развитии знания, то есть того, как «накопленный идейный материал» прошлого служит источником для последующих теоретических построений.

Л.С. Мамут настойчиво предостерегает исследователей от двух методологических опасностей. Первая — это «модерноцентризм», то есть оценка идей прошлого исключительно с точки зрения современных критериев и ценностей. Такой подход, по его мнению, мешает понять подлинное значение, которое эти идеи имели в свою собственную эпоху, и приводит к иллюзии, что мыслители прошлого просто «недоучились» до уровня современности. Вторая опасность — телеологическое понимание истории, представление о том, что развитие мысли фатально предопределено и ведёт к нынешнему её состоянию. Это порождает искушение искать в прошлом лишь «зародыши» и «предвосхищения» современных концепций, что искажает реальную картину интеллектуальной истории.

В противовес этому, учёный предлагает рассматривать каждую эпоху в истории мысли как уникальную и самоценную, обладающую своей собственной логикой, специфической проблематикой и категориальным аппаратом. Задача исследователя — не просто проецировать структуры современной теории государства и права на учения прошлого, а стремиться понять их внутреннее своеобразие и «земные» корни, то есть ту конкретную историческую обстановку и социально-классовые отношения, которые их породили.

Таким образом, плодотворный анализ связи истории и современности, по Л.С. Мамуту, требует диалектического подхода. С одной стороны, необходимо понимать прошлые учения в их собственной органичности и неповторимости. С другой — только с высот современного знания, обладая выработанным им пониманием механизмов эволюции идей, можно полностью раскрыть их содержание и значение. Именно такое двунаправленное движение мысли — от понимания исторического контекста к осмыслинию с позиций современной науки — позволяет избежать как догматического традиционализма, так и плоского «модерноцентризма», и выявить подлинную глубину отношений между историей и современностью в политической мысли.

Л.С. Мамут говорит о важности понимания исторического контекста и внутренней логики учений. С.В. Кодан поднимает эту задачу на метауровень, разрабатывая теорию и

методологию историографии как специальной дисциплины, которая размышляет над самим процессом накопления и развития историко-правового знания.

Исследования профессора С.В. Кодана представляют собой один из наиболее разработанных теоретико-методологических подходов к проблематике историографии в юридических науках. Его концепция формируется через последовательное раскрытие ключевых аспектов, определяющих место и роль историографии в структуре историко-правового знания.

Исходной точкой концепции ученого является констатация того, что историографическая проблематика лишь начинает выделяться в качестве специальной исследовательской проблемы в юридической науке [10]. Преодолевая эту методологическую лакуну, С.В. Кодан разрабатывает целостное понимание предмета историографии истории политических и правовых учений как направления, изучающего процессы формирования, развития и состояния научных изысканий в сфере освоения политико-правовой мысли. Особую научную ценность представляет предложенная им пятикомпонентная структура предмета, включающая научноведческую, теоретическую, источниковедческую, методологическую и междисциплинарную составляющие. Такой синтетический подход позволяет преодолеть узкоотраслевую ограниченность и вывести историографию юридической науки на уровень современных социогуманитарных практик.

Важным вкладом ученого становится системное определение целеполагания историографических исследований. Он рассматривает историографию как динамичную систему, где цели задают общую стратегию развития, а конкретные задачи раскрывают пути их достижения. В рамках его концепции историография призвана не только фиксировать пройденный наукой путь, но и активно влиять на ее современное состояние и будущее развитие через реализацию познавательной, мировоззренческой, прогностической, коммуникативной и прикладной функций [10].

Особую значимость имеет разработанное С.В. Коданом учение о многомерном позиционировании историографии, которое раскрывается через пять взаимосвязанных областей знания: истории знаний, специальной, вспомогательной, прикладной и междисциплинарной области [10]. Этот подход демонстрирует, что историография в его понимании - не просто ретроспективное описание научных достижений, а сложный интеллектуальный инструмент, необходимый современному исследователю для ориентации в научном пространстве.

Таким образом, концепция С.В. Кодана представляет собой завершенную теоретико-методологическую систему. Его подход позволяет преодолеть фрагментарность существующих представлений об историографии и создает прочный фундамент для ее дальнейшего развития как полноценного, методологически оснащенного и междисциплинарно открытого направления исследований.

Если С.В. Кодан создает системную методологию историографического исследования, то Е.А. Фролова применяет сходный структурно-системный подход к анализу конкретных политico-правовых доктрин, рассматривая их как целостные образования с философской основой, содержанием и программой.

Е.А. Фролова рассматривает историю политических и правовых учений как фундаментальную дисциплину, призванную формировать юридическое мышление. Она подчеркивает, что эта наука занимает особое место в ряду смежных дисциплин, таких как теория государства и права или философия права, и для неё принципиально важно

четкое отграничение собственного предмета [\[16, с. 70\]](#).

С точки зрения Е.А. Фроловой, предмет истории учений — это не просто энциклопедия взглядов или хронологическое чередование идей. Это наука, которая отражает в понятиях теории права и государства меняющиеся исторические условия, интересы и идеалы различных социальных групп. При этом любой общественный идеал выступает как регулятивная идея, на основе которой оценивается политico-правовая реальность и создаются проекты её преобразования или обосновывается необходимость сохранения существующего строя.

Ключевой методологической установкой Е.А. Фролова считает целостное восприятие каждой политico-правовой доктрины. Она настаивает, что любое учение, в отличие от случайной мысли, имеет структуру, включающую философско-теоретическую основу (методологию), содержательную часть и программные меры. Задачей исследователя является выявление и раскрытие всех этих взаимосвязанных элементов, а не вырывание отдельных фраз из контекста. Для объективной оценки теории важна её внутренняя логика и последовательность аргументации.

Е.А. Фролова выделяет несколько методологических трудностей, с которыми сталкивается дисциплина. Одна из них — это вопрос о принципе организации материала: следует ли выстраивать курс «портретно», вокруг отдельных мыслителей, что грозит превратиться в описательные очерки, или же группировать учения по идеологическим течениям, что может заслонить личностный, волевой аспект творчества. Другая сложность заключается в определении роли доктрины: должна ли она лишь отражать свою эпоху или же активно влиять на неё, и если влиять, то как и с какого момента оценивать это воздействие.

Важным аспектом методологии Е.А. Фроловой является подход к типологии учений. Она указывает, что критерии могут быть разными — от соотношения идеала и действительности (прогрессивные, консервативные, реакционные учения) до способов достижения целей (радикальные, реформистские, революционные).

Е.А. Фролова отмечает тесную связь истории политических и правовых учений с философией права. Она подчеркивает, что меняются не столько сами конструкции, предложенные классиками, сколько наши оценки этих учений, которые трансформируются в соответствии с потребностями новой исторической эпохи. Таким образом, дисциплина предстает как живой, развивающийся организм, постоянно переосмысливающий свое прошлое для ответа на вызовы настоящего и будущего.

В Институте государства и права РАН активно разрабатывается проблематика, способная существенно обогатить традиционные подходы к изучению истории политических и правовых учений. В центре внимания исследователей находится логика смыслополагания — анализ глубинных механизмов формирования правовых понятий и категорий в разных культурных традициях [\[2, 3\]](#). Этот подход позволяет выйти за рамки простого описания идей и понять, как различные цивилизации порождают уникальные способы осмыслиения права, что особенно актуально в условиях диалога культур.

Исходным принципом является признание вариативности правовой рациональности, что предполагает отказ от представления о единой универсальной модели. Выявлены и исследуются различные типы правового мышления: субстанциональный, характерный для континентальной Европы и России, где право понимается как система устойчивых идей, и процессуальный, свойственный англо-американской традиции, где право

раскрывается через конкретные процедуры и судебные решения. Такой подход позволяет адекватно анализировать самобытные правовые феномены, не пытаясь искусственно вписать их в чуждые концептуальные рамки.

Особое значение придается глубокому сравнительному анализу правовых культур, предполагающему реконструкцию их внутреннего мира. Это требует от исследователя способности понять, как из исходных культурных интуиций в конкретной традиции вырастают её уникальные правовые концепции. Одновременно осуществляется критический пересмотр сложившейся историографии, показывая, что западноевропейские научные каноны часто являются продуктом специфического механизма смыслообразования, исключающего иные логики. Важным направлением работы стало исследование роли языка как активного участника смыслополагания, где языковая структура непосредственно влияет на формирование правовых конструкций.

В совокупности эти направления образуют целостный методологический аппарат, позволяющий преодолеть ограничения традиционных подходов и изучать историю учений как многоголосый диалог культур, каждая из которых предлагает собственный, внутренне непротиворечивый способ осмыслиения права и справедливости.

Например, тематики — эволюция аналитического направления в англо-американской юриспруденции и развитие доктрины об источниках права — могут выступить в качестве наглядного примера плодотворного применения междисциплинарной методологии, изложенной в рамках данной статьи. Это позволяет выйти за традиционные для сравнительного правоведения рамки, которые часто ограничиваются сопоставлением форм права и констатацией доминирования судебного прецедента. Вместо изолированного анализа «логико-языкового феномена» предлагается исследовать англо-американскую правовую мысль как сложную, исторически развивающуюся систему, укорененную в широком интеллектуальном и социальном контексте.

С этой точки зрения, наследие аналитической школы, от Остина до Харта и Дворкина, предстает не как набор догм, а как динамическая «теоретическая схема» в степинском понимании, которая конструировала свои идеализированные объекты — от «основной нормы» до «правила признания» и «принципов». Этот концептуальный каркас можно проследить в его диалектическом развитии, анализируя, как он заимствовал конструкты из математически ориентированной философии Рассела или Витгенштейна и как проходил процедуру «конструктивного обоснования» через столкновение с реальной социально-правовой практикой. Одновременно глобально-историографический ракурс, вслед за Г. Иггерсом, позволяет интерпретировать распространение и доминирование этого аналитического стиля мышления во второй половине XX века не как естественный процесс, а как предмет для критического анализа в рамках глобального диалога и столкновения правовых традиций, где одна модель рациональности имплицитно навязывалась в качестве универсальной.

Такой синтез методов позволяет преодолеть «узкий дисциплинарный провинциализм», о котором писал В.Г. Графский, и изучать доктрину источников права не как простой перечень форм, а как элемент коллективной памяти и исторической культуры. Это требует рассматривать ее в увязке с риторикой судебных процессов, структурой юридического образования и публичной политической дискуссией, привлекая инструментарий социологии, лингвистики и антропологии. Типология правопонимания по В.С. Нерсесянцу, в свою очередь, дает ключ к интерпретации аналитической традиции как яркого примера «легистского» типа, отождествляющего право с официальными правилами, а ее внутреннюю полемику — как отражение фундаментального конфликта

между формальной логикой и ценностным содержанием. Наконец, подход, разрабатываемый в ИГП РАН и нацеленный на реконструкцию «логики смыслополагания», позволяет увидеть, что утверждение о мышлении англо-американских юристов «правилами», а не «нормами», — это не терминологическая деталь, а ключ к особой, процессуальной правовой рациональности, из которой произрастает уникальная, отличная от континентальной, логика формирования самой системы источников права. Таким образом, междисциплинарность трансформирует частную проблему истории учений в комплексное исследование правовой культуры, раскрывая ее глубинные механизмы и место в общем интеллектуальном ландшафте.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что будущее истории политических и правовых учений неразрывно связано с ее способностью к методологической рефлексии и активной междисциплинарной интеграции. Рассмотренные концепции, от подхода В.И. Вернадского к истории научной мысли до типологий В.С. Нерсесянца и глобального видения Г. Иггерса, едины в своем стремлении преодолеть узкие хронологические и дисциплинарные границы. Они формируют новый, синтетический образ дисциплины, где право изучается не как изолированный набор доктрин, а как часть истории научной мысли и неотъемлемый элемент культурно-исторического творчества человечества. Такой подход трансформирует историко-правовое знание из вспомогательной описательной науки в критически важный инструмент для осмысливания глобальных вызовов и сознательного направления развития человечества в ноосфере, отвечая, тем самым, на универсальный призыв научной мысли к неограниченному развитию.

Библиография

1. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский ; отв. ред. А. Л. Яншин ; АН СССР. – Москва : Наука, 1991. – 270, [1] с. EDN: KBQMGG.
2. Горбань, В. С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений / В. С. Горбань // Государство и право. – 2024. – № 11. – С. 7-22. – DOI: 10.31857/S1026945224110017. EDN: XVTNOZ.
3. Горбань, В. С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории / В. С. Горбань // Антиномии. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 107-127. – DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107. EDN: LUKCDL.
4. Графский, В. Г. Государство и технократия : историко-критическое исследование / В. Г. Графский. – Москва : Наука, 1981. – 289 с.
5. Графский, В. Г. История политических и правовых учений : учебник / В. Г. Графский ; Ин-т государства и права Российской акад. наук. – 3-е изд., доп. – Москва : Норма, 2009. – 735 с. EDN: QRHKJZ.
6. Графский, В. Г. О роли истории политических учений в идеино-теоретической подготовке студента / В. Г. Графский // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания : сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. Е. Гулиев [и др.]. – Москва : ИГП АН, 1978. – С. 62-67.
7. Графский, В. Г. Проблема взаимоотношений власти и знания в истории политической мысли : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.01 / В. Г. Графский ; Ин-т государства и права. – Москва, 1992. – 350 с. EDN: ZJNXJF.
8. Гулиев, В. Е. Об исследовании политико-правовых учений / В. Е. Гулиев // Из истории политических учений : сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. Е. Гулиев (отв. ред.) [и др.]. – Москва : [б. и.], 1976. – С. 3-7.
9. Иггерс, Г. Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван (при участии Суприи Мукерджи) ; пер. с англ. О. Воробьевой ; науч. ред. М. Кукарцева. – Москва : Канон+ : Реабилитация, 2012. – 432 с.
10. Кодан С.В. Историография в структуре истории политических и правовых учений:

- предметная направленность, целевые установки, задачи и функции // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 126-137. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34729 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34729
11. Мамут, Л. С. Анализ связи истории и современности в развитии политической мысли / Л. С. Мамут // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания : сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. Е. Гулиев [и др.]. – Москва : ИГП АН, 1978. – С. 47-55.
12. Нерсесянц, В. С. Из истории правовых учений: два типа правопонимания / В. С. Нерсесянц // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания : сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. Е. Гулиев [и др.]. – Москва : ИГП АН, 1978. – С. 18-29.
13. Нерсесянц, В. С. Право и закон : из истории правовых учений / В. С. Нерсесянц. – Москва : Наука, 1983. – 366 с.
14. Поппер, К. Р. Нищета историцизма / К. Р. Поппер ; пер. с англ. – Москва : Прогресс : VIA, 1993. – 187 с.
15. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
16. Фролова, Е. А. История политических и правовых учений: методологические проблемы соотношения юридической науки и учебной дисциплины / Е. А. Фролова // Вестник Московского университета. – 2009. – № 1. – С. 70-80.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является междисциплинарность в современных исследованиях политico-правовых феноменов и доктрин.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна. Следует согласиться с ученым в том, что традиционные методы исследования современной историко-правовой науки, ограниченные узкоотраслевыми рамками и описательностью, оказываются недостаточными для анализа постоянно меняющейся правовой реальности. Выход из этого методологического кризиса лежит на пути ее интеграции с достижениями других областей знания — от философии науки и социологии до филологии и когнитивных исследований. Междисциплинарность стала системообразующим фактором, способным "осовременить" предмет и методологию юридической историографии, превратив ее в актуальную дисциплину, отвечающую на вызовы XXI века.

Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в том, что автором предложен конкретный путь разрешения методологического кризиса, в котором оказалась современная историко-правовая наука. Ученый доказывает необходимость ее интеграции с достижениями других областей научного знания, иллюстрируя это концепциями В. И. Вернадского, В.С. Степина, Г. Иггерса, Э. Ван, С. Мукерджи, К. Поппера, В.Г. Графского, В.Е. Гулиева, В.С. Нерсесянца, Л.С. Мамута, С.В. Кодана, Е. А. Фроловой. Автором выявлено общее в

данных концепциях - все они позволяют обновить предметный профиль, проблематику и методологический аппарат юридической историографии через активную междисциплинарную интеграцию. Тем самым формируется новый, синтетический образ дисциплины, где право изучается не как изолированный набор доктрин, а как часть истории науки и неотъемлемый элемент культурно-исторического творчества человечества.

Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор доказывает тезис о том, что междисциплинарность выступает системообразующим фактором, способным обновить предмет и методологию историко-правовой науки. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 16 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, учебником). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на достаточно высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества. Автором доказано, что будущее истории политических и правовых учений неразрывно связано с ее способностью к методологической рефлексии и активной междисциплинарной интеграции. Рассмотренные ученым концепции (В. И. Вернадского, В.С. Степина, Г. Иggerса, Э. Ван, С. Мукерджи, К. Поппера и др.) едины в своем стремлении преодолеть узкие хронологические и дисциплинарные границы. Они формируют синтетический образ дисциплины, где право изучается как часть истории научной мысли и неотъемлемый элемент культурно-исторического творчества человечества. Таким образом, историко-правовое знание из вспомогательной описательной науки превращается в критически важный инструмент для осмыслиния глобальных вызовов и направлений развития человечества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, в сфере истории государства и права, теории государства права, истории политических и правовых учений, философии права со стороны ученых, практикующих специалистов, обучающихся. Однако работа нуждается в небольшой доработке — автору необходимо дополнить вводную часть статьи с учетом замечаний рецензента.